

Евгений Лукин

КАТАЛИ МЫ ВАШЕ СОЛНЦЕ

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)-445
Л 84

Оформление обложки Татьяны Павловой
Иллюстрация на обложке Виталия Еклериса

Лукин Е.

Л 84 Катали мы ваше солнце : роман, повести, рассказы / Евгений Лукин. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 992 с. — (Фантастика и фэнтези. Большие книги).
ISBN 978-5-389-29152-2

Поэт в России больше, чем поэт. Эту летучую фразу авторства Евгения Евтушенко повторяет всякий, кому не лень, когда заходит разговор о поэзии. О фантастах так почему-то не говорят. Это несправедливо. Фантаст в России больше, чем фантаст. Бывает даже, что он больше самой фантастики. Не всякий, конечно. Круг таких писателей невелик. Иван Ефремов, братья Стругацкие, Владислав Крапивин, Кир Булычёв, Борис Штерн, Михаил Успенский... К этому редкому меньшинству по праву относится и Евгений Лукин. Фантастика для него — прибор наподобие лесковского мелкоскопа: глянешь в его глазок и увидишь, что возле блохи на подносе ещё и ключик лежит. Читать писателя Лукина — радость и удовольствие. Радость от качества его прозы, удовольствие — от шутовской атмосферы, в которой обитают его герои. Читаешь его и видишь, как вдруг тебе со страниц то лукаво подмигнёт Гоголь, то покрутит пальцем у виска Салтыков-Щедрин, то вильнёт где-нибудь между главок хвост кота Бегемота.

Если начать считать все премии и награды, которые получал Лукин с начала своей писательской деятельности, собьёшься уже где-то на пятом или шестом десятке. Их у него за сотню. «Аэлита», «Странник», «Бронзовая улитка», «АБС-премия», Интерпресскон, Роскон, имени Ивана Ефремова, Беляевская премия, «Золотой Остап» и множество разнообразных других. Даже «Литературной газетой» однажды он был объявлен лауреатом премии «Золотой телёнок» за свои иронические стихи. А в 2015 году Лукина удостоили почётного звания Грандмастера европейской фантастики.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)-445

© Е. Ю. Лукин, текст, 2025
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-29152-2

КАТАЛИ МЫ ВАШЕ СОЛНЦЕ

Научно-фантастический роман

Тем только и дышим, что знать не знаем.

В. И. Даль

ГЛАВА 1

Ночка тёмная

Кудыка был разбужен дробным, глуховатым бряцаньем медного позвонка. Загорочался на лавке, с надеждой выпростал из-под одеяла, подбитого заячьим мехом, всклокоченную голову, но, разлепив веки, так ничего и не увидел. Черно — как в поле-не. «Трык-трык... — поскрипывало и постукивало неподалёку. — Трык-трык...» Приподнялся на локте, всё ещё ожидая, что вот-вот порозовеют, засветятся репейки¹ слуды в широком косящем оконце.

Не дождавшись, крикнул, помянул в сердцах шишимору² и всех родичей её, потом запустил пятерню в редкую от частых раздумий бородёнку и, уставясь в невидимый потолок, стал сердито соображать, что же он всё-таки напутал в хитром своём резном снарядце. Днём вещница работала исправно и бряцала вовремя, если и промахивалась, то самую малость, а вот восхода, вишь, не угадала ещё ни разу. Может, и впрямь шишимора шалит? Однако в шишимор, по правде сказать, Кудыка не особенно-то и верил. Он, если на то пошло, и сам о прошлом годе, сговорившись с Плоскыней, посадил шишимору князьему боярину Блуду Чадовичу. Резали они с тем Плоскыней в тереме вислое крыльцо³ о двух столпах. Крылечко вышло — загляденьице, да вот прижимист оказался Блуд, недоплатил. Ну и стало быть, с того самого дня возьми да и заведись шишимора. Скрипит, стонет — хоть из терема беги. Долго крепился Блуд, а всё одно не стерпел, послал за Кудыкой да за Плоскыней, уплатил сполна. И — как корова языком слизнула, нет шишиморы. Такое вот диво.

¹ *Репейк* — звёздчатая вставочка (*беренд.*).

² *Шишимора* — шишига, кикимора (*беренд.*).

³ *Вислое крыльцо* — ограждённый перилами выступ, приделанный извне к дому (*беренд.*).

Кудыка ухмыльнулся, припоминая давнюю эту проделку, и сел на лавке, накинув на плечи зипунишко¹. За ночь горенка выставла, пробирал озноб. Либо огонь вздуть? Кудыка встал и в чёрной, как сажа, тьме сошёл крутой двенадцатиступенной лесенкой в подклет, где потрогал чуть тёплую печку и хмыкнул довольно. Печью своей Кудыка гордился. Сложенная из греческого кирпича и лишь сверху обмазанная глиной, жар она держала, почитай, всю ночь. В двух шагах от Кудыкиной подворотни по речке по Вытекле пролегал путь «из варяг в греки» — ну как тут не попользоваться такой оказией! Были бы только денежки. А денежки у Кудыки были. Не чурки деревянные, как у прочих берендеев, а мелкое серебро, дробная монета, у тех же греков наторгованная.

Хитёр был Кудыка, ох хитёр! Другой бы на радостях изразец муравлений пустил по печке, стены бы в горенке красной кожей приодел, а он по-смирному — глиной да рогожкой. Назови кто в людях Кудыку зажиточным — на смех бы ведь подняли. Хоть и дом у него двупрясельный² — горница на подклете, и дым вон из трубы, а не из окна волоком. А всё смекалка Кудыкина. Иной аж прослезится, о художестве³ своём говоря, да кто ж ему поверит-то? А Кудыка как начнёт хвастать, провираясь для виду, все от хохота с лавок валятся. Что с такого возьмёшь? Потому и поборы на него падали самые лёгкие, и даже Кощей, под которым ходили все теплыньские берегини, хранил Кудыкин двор лишь по малому оберегу⁴. А мог бы и по большому, раза в два дороже...

Кудыка отнял заслонку, лицо нежно тронул неворошённый жар под пеплом. Стало быть, всё-таки дед вставал среди ночи да подтапливал. Древорез пошевелил кочергой, обдав красноватой позолотой рубаху, и, нашарив тугой, увесистый, как кирпич, стружечный жемок, сунул в печь. Вскоре загудело густое весёлое пламя, забегали по стенам тёплые зайчики. На полатах тут же закрихтел и заохал старый дед Пихто Твердятич:

— О-хо-хо, внуче Кудыче...

— Ты спи, дед, спи, — успокоил Кудыка. — Темно ещё...

¹ *Зипун* — исподняя одёжа, узкая, до колен и без козыря (*беренд.*).

² *Двупрясельный* — в два потолка (*беренд.*).

³ *Художество* — лихие, никудышные дела (*беренд.*).

⁴ *Оберег* — привеска от сглазу, огня, воды и проч. (*беренд.*)

— Темно... — недовольно повторил дед. — То-то и оно, что темно. А почему темно-то?

— Рано потому что, — ответил Кудыка, отправляя в огненную пасть печи ещё один плотный стружечный кирпичик.

Полати заскрипели, затрещали, всколыхнулась лежащая горбом ветхая шубейка, и в пятнистой полутьме явилось морщинистое резное личико деда. Кудыка инда¹ залюбовался. Уж на что он сам слыл первым древорезом в слободе, а поди ж ты, выведи так-то вот каждую морщинку!

— Незаплата ты башка! — гневно выкатывая глаза, прошамкал дед. — Рано ему! Солнышку-то давно уже встать пора!

— Ну ты солнышку-то не указывай, — ворчливо заметил Кудыка, закрывая заслонку. — Пора ему там не пора...

Дед крикнул и примолк. Потом заворчал снова, на этот раз тревожно, испуганно:

— Раньше-то, а? Лето — долгое, зима — мягкая... Весной как пригреет — смотришь: а лёд по речке по Сволочи шорохом идёт всюю. А ныне вон уже и Вытекла по затонам подмерзать стала... Эх! Прогневалось на нас ясно солнышко...

— Это за что же? — спросил Кудыка.

— А не надо было греков пущать в государство! Время мерят, часы ладят...

Кудыка хмыкнул, засветил ночник и вышел в сени, где умылся ледяной водой из кадки, всё посматривая, не зарозовеют ли слюдяные чешуйки в оконце.

— А знаешь, почему греков греками зовут? — снова заговорил дед, стоило Кудыке вернуться. — Грешные потому что! А ты вон с ними дружбу водишь, с ча-сов-щиками!

Последнее слово дед выговорил презрительно, как выбранился.

— Как же это греков не пущать? — удивился Кудыка. — Ежели не пущать, так это бесторжие будет. Бесторговица.

— Да и леший с ней, с бесторговицей! — взвился дед. — Зато, глядишь, солнышко смилуется, припечёт...

Кудыка не дослушал и снова поднялся в горницу. «Трык-трык... — всё так же поскрипывал и постукивал резной снаряд. — Трык-трык...» Гирька на ремешке свисла уже чуть ли не до полу. Греки греками, а и мы кое-что можем. Немудрёная вроде

¹ Инда — ажно (беренд.).

снасть: два пупчатых колеса с колебалом да позвонок с опрокидом, а вот поди ж ты — время кажет и в позвонок бряцает на закате. Ежели бы ещё и на рассвете бряцала — цены бы ей не было.

Кудыка нахмурился, остановил колебало и, намотав ремешок на валик, снова качнул. Трык-трык... А ведь дед-то прав. Ночи теперь не в пример длиннее стали. Шутка, что ли, лишних три оборота ремённых на ночь накинул! Позавчера два, вчера три... Сколько ж ещё набавлять-то? Ремня не хватит...

Долго бы ещё размышлял Кудыка, но тут мелькнули наконец в слюдяных репейках окна дробные алые искорки. Обрадоваться, правда, не успел — понял, что не солнышко тем искоркам причиной. Кто-то бегал по улицам с огнём, да и не один. А вскоре стали слышны и отдалённые крики.

Кудыка торопливо подпоясал зипун и, на ходу влезая рукой в рукав шубейки, заторопился вниз по лесенке. Дед Пихто Твердятич, привскинувшись на полатах, тревожно склонял ухо к невнятному шуму:

— Что там, Кудыка?

— Да кто ж его знает! — так же тревожно отвечал ему тот, срывая со стены кистень-звездыш¹. — Не иначе опять лихие люди доброго человека в чужой клетки поймали...

Нахлобучил шапчонку, выбежал в чёрные сени, отнял засов. Очутившись на низком крыльце, первым делом взглянул на восток. Нет, ничего там не светилося и даже не розовело.

Серебром сияли гвоздики звёзд, вколоченные во множество в огромное чёрное небо. Ночь стояла такая ясная, что на шляпках покрупнее можно было различить насечку.

Узкой, прокопанной в сугробах тропинкой Кудыка приблизился к воротам об одном полотне и, вынув брус, с трудом приотворил заметённую калитку. По тихой улочке, страшно сопя и громко хрустя настом, кто-то шёл, направляясь к дальнему концу слободы, — тёмный, косопалый и с посохом. А может, и с колом.

— Плоскыня, ты, что ли? — наудачу окликнул Кудыка.

Косопалый обернулся, набычился. И впрямь Плоскыня.

— А то кто же! — всмотревшись, чьи ворота, мрачно бросил он.

¹ Звездыш — чекуша-гвоздёвка либо рогульчатое ядро на коротком кистенище (беренд.).

— Куда это ты до свету наладился?

— Иех! — вскрикнул в сердцах Плоскыня. Сгрёб с лохматой головы лохматую шапку, хотел было швырнуть под ноги, но, схваченный морозом за уши, тут же нахлобучил снова. — Ну попадись она мне только под правую руку!

— Жену, что ль, опять ищешь? — сообразил Кудыка.

— А то кого же! — гаркнул Плоскыня. — Проснулся — хватить! Нет её! Ну, Докука! Я те покажу, как чужих жён с панталыку сбивать!

— Думаешь, у него она?

— А то у кого же!

Плоскыня ухнул, ударил колом в наст и захрустел дальше.

Кудыка покачал ему вослед головой, однако личико у самого было лукавое. От самого-то от Кудыки жена давно с греками сбежала, оставив ругательное берестяное письмишко. Да перед тем ещё зуб кочергой выбила. Смеялся тогда Плоскыня над Кудыкиной бедой, ох смеялся.

Ухмыляясь, Кудыка запер уже калитку, когда снаружи снова захрустел наст, слышались зычные голоса, а потом кто-то грянул кулачищем в воротину, чуть с верейного столба¹ не сорвал.

— Открывай!

Кудыка заробел, но не слишком. В зазорах меж досок полоскались алые отсветы, щели словно облизывались. Раз с огнём пришли, значит не от Кощея.

— А ты кто таков, — сердито спросил Кудыка, — чтоб горло драть!

— Княжья рать, — складно рявкнули с той стороны.

Кудыка вспотел на морозе и кинулся отваливать подворотню. С натужным визгом отъехало, деря наст, дощатое полотно, и во двор, высоко подняв стеклянные греческие лампы, ступили человек семь в козлах, из-под которых виднелись кольчуги. Первым, раскидывая короткими крепкими ногами полы медвежьей шубы, шествовал дородный Блуд Чадович.

Суров был боярин: из-под горлатной шапки седоватая грива; лик, ежели сбоку смотреть, точь-в-точь как у зубра; глаза строгие, чуть навывкате.

¹ *Верейный столб* — на коем воротное полотно навешивают (*беренд.*).

— Так какой же это Докука? — с негодованием спросил боярин, сунув лампу едва ли не в лоб хозяину. — Это ж Кудыка, он мне о прошлом годе шишимору в терем подсадил, лоботёс!

— Кудыка я, — сдавленно подтвердил Кудыка, кланяясь. — А Докука — он, непутёвый, на том конце слободы живёт.

Блуд Чадович издал досадливый рык, повернулся и молча вышел. Храбры¹ расступились, пропуская боярина, и поспешили следом. Последнего Кудыка изловчился поймать за рукав:

— Брате, а, брате...

Тот обернулся, недовольный.

— Что деется? Растолкуй! — взмолился древорез.

— Что деется, что деется... — Храбр нахмурился, потом вдруг прыснул и, кинув опасливый взгляд через плечо, подался к Кудыке. — Вишь, солнышко-то припоздало сегодня... — радостно зашептал он. — Ну, боярин, стало быть, возьми да и проснись до свету... Послал в светлицу к племяннице своей к Шалаве, значит, Непутятичне, а племянницы-то — и того... и нетути... Вот ищем теперь.

Повернулся было идти, но Кудыка не пустил:

— Да что ты мне про племянницу! Солнышко-то припоздало — почему? Может, указ какой оглашали, да я не слышал?

Храбр крикнул, взглянул боязливо на чёрный восток и, тут же отведя глаза, решительно освободил рукав.

— Не было никакого указа, — уклончиво буркнул он. — Да встанет когда-нибудь, куда денется!

Кудыка смотрел ему вслед и скрёб затылок. Что Плоскыня до свету проснулся — не диво, но бояре — они-то ведь чуть не до полудня спят... Ох, и впрямь неладное что-то творилось сегодня со светлым и тресветлым нашим солнышком — ну не желало вставать, и всё тут! Кудыка потрогал языком прогал в зубах и принялся затворять воротину. А по улочке тем временем пробежали ещё две серые тени — тоже с колами и в ту же сторону.

— Эй, берендеи! — позвал Кудыка. — Далеко собрались? Не к Докуке ли?

— К нему, чтоб его пополам да в черепья! — останавливаясь, бросил один из них.

¹ Храбр — гридень, кметь, ратник (*беренд.*).

— Не спеши, — посоветовал Кудыка.

— А что такое?

— Да там и без вас народу хватает.

Берендеи усталились друг на друга, запрокинув не чёсанные с вечера бороды. Кудыка прижал воротину и наложил засов. Ну, нахлещут сегодня кому-то загорбок... Привалил подворотню и двинулся по узкой тропинке меж сугробов к дому.

Дед Пихто Твердятич сидел перед печкой на корточках и совал в огненную утробу очередной стружечный жемок.

— Или погорельцев возьми, — сердито сказал он, не оборачиваясь. — И лезут к нам, и лезут... Попрошайничают, колдуют... И ведь что плетут: солнышко-де у них погорело! Не погорело оно, а просто отвернулось от них от забродыг, вот и весь сказ...

Кудыка насупился и, не отвечая, поднялся к себе. Ночник стоял на столе рядом со снарядами. В трепетном желтоватом свете обозначались сложенные в углу чурочки и дубовый винтовой жом для стружек, задуманный и сложенный самим Кудыкой. Зарядишь в него всякого сора древесного, закрутишь — и выходит стружечный жемок плотный-плотный. Ни дать ни взять греческий кирпич, из каких печка сложена... В слободке над Кудыкой посмеивались: додумался-де, в горнице работает! Так оно ведь светлее в горнице-то...

Кудыка ещё раз взглянул на глухой переплёт окна. Брюхо внятно подсказывало, что пора бы уже и позавтракать. Однако до света, не помолясь на ясно солнышко, завтракать было не принято. Вот ещё незадача-то... А ежели оно (солнышко то есть) вдруг возьмёт и совсем того... не взойдёт? От такой мысли у Кудыки ерши¹ по телу встали. Почуял хрупкость в ногах и опустился на лавку с прислоном.

Трык-трык... Уставился на гуляющее туда-сюда колебало. Да уж не часы ли он греческие сладил ненароком? Часы у берендеев были под запретом — все, кроме солнечных. Даром, что ли, волхвы толкуют: не людское это дело время мерить. Солнышко-то оно всё видит. Обидится добросиянное и вовсе скроется... Да нет, какие часы? Подлинные часы, сказывают, из железа ладят, с цифирью...

¹ Ерши — зазубрины, мурашки (беренд.).

Вдруг вскочил, сорвал с валика ремень с гирькой, разъединил пупчатые колёса, снял колебало. Медный позвонок грянулся, звякнув, на стол, покатился по кругу. Кудыка заметался по горенке, пряча резные части разобранного снарядца среди чурок и за жомом. Рассовав, остановился, тяжело дыша. Не вынес тишины и снова сбежал в подклет, к деду. Тот сидел у печки и, кутаясь в шубейку, задумчиво пучил глаза.

— Дед, а дед... — жалобно позвал Кудыка ещё с лесенки.

Старый дед Пихто Твердытич очнулся и посмотрел на внука:

— Чего тебе?

— Да вот думаю... Сидим тут на тощее сердце... Вчерашнюю кашу не разогреть ли?

— И думать не смей! — Деда подбросило с лавки. — Совсем осерчает солнышко — будешь тогда знать!

Кудыка помялся, поправил светец и, присев рядом с дедом, уронил плечи.

— Вот ты говоришь: погорельцы... — беспомощно начал он. — Солнышко-де от них отвернулось... А почему отвернулось-то?

Дед долго молчал, жевал губами.

— Согрешили, стало быть, вот и отвернулось, — недовольно ответил он наконец.

— А как согрели-то? Время мерили?

— Может, и мерили. Кто их знает...

Кудыка приуныл окончательно.

— А греки? — спросил он с надеждой. — Греки-то вон тоже, говоришь, часы ладят... Что ж оно от них-то не отвернулось, от греков?

— Это кто ж тебе сказал, что не отвернулось? — Дед зловеще усмехнулся. — Ещё как отвернулось! Солнышко-то садится — куда? В Теплынь-озеро. А греки как раз за Теплынью, на том берегу... За краем света, стало быть...

Опешил Кудыка:

— Что ж они, выходит, во тьме живут?

— Выходит, во тьме...

— А варяги?

— И варяги! — решительно отрубил дед, потом хмыкнул и задумался. — Нет, ну... — покашливая, добавил он. — Когда солнышко встаёт, оно немного и варягам светит... А когда садится — грекам...

Замолчал, моргая. Кудыка глядел на него во все глаза, и в голову лезло такое, от чего у доброго берендея, глядишь, последний ум отшибёт.

— А как же греки рассказывают, — с запинкой спросил он, — что у них солнышко жарче нашего?

— А ты больше греков слушай! — огрызнулся Пихто Твердятич. — Они тебе много чего понарасскажут, греки-то... Просто морок такой бывает над Теплынь-озером. Сразу после заката. Так и называется — ложное солнце. Или греческое... И жара от него никакого нету, видимость одна...

— Да погоди ты, дед! — взмолился Кудыка. — Морок — ладно! Кляп¹ с ним, с мороком... Но само-то солнышко, оно ж едино!

— В двух ликах, — строго добавил дед, поднимая корявый палец.

— Это понятно, — торопливо поправился Кудыка. — Чётное, стало быть, и нечётное... Но ведь оба лика-то — всё равно светлые! Как же оно тогда отвернуться может? Чем оно отвернётся-то?

Дед открыл было рот, но, видно, и у него тоже в голове захлестнуло — так ничего и не ответил старый.

А что до двух солнечных ликов, то тут дело было тонкое. Всякий берендей точно знал, чётное сегодня солнышко на небесах или же нечётное. Ежели, скажем, выйдешь на заре, когда раскаляется оно ещё не добела, а только докрасна, и увидишь, что плавает по тресветлому этакое тёмное пятнышко, то, стало быть, день ныне — чётный. И хотя волхвы твердили неустанно, что оба солнечных лика одинаково благосклонны к добрым берендеям и разнятся лишь затем, чтобы легче было дни отличать, — разве что дурачок какой решился бы при чётном солнышке затеять какое дело: пиво там затереть или, скажем, соху новую изладить.

И, что хуже всего, вставать сегодня не желало именно нечётное, счастливое солнышко, при котором хоть резные чурки-берендейки волхвам неси, хоть обоз снаряжай за пеплом да золой к Теплынь-озеру.

— Да нет, — возмутился вдруг дед Пихто Твердятич. — Не за что ему на нас гневаться... Это, видать, сволочане нагрестили — с них становится! А мы-то теплыньцы!

¹ Кляп — часть мужеска тела (*беренд.*).

— А! — Кудыка в ответ лишь рукой махнул. — Что совой об пень, что пнём об сову... Солнышко-то и нам, и им светит.

— Да как это ты говоришь: всё едино? — вскипел дед. — Они, значит, виноваты, а мы в темноте сиди?

Тут где-то неподалёку на заснеженной улочке свистнуло, гаркнуло, и Кудыка вскинул голову.

— Либо пойти взглянуть? — боязливо пробормотал он, встал и затянул потуже опояску.

* * *

Свистнуло, гаркнуло, гулким эхом¹ отдалось за чёрной Вытеклой. И полезла с огнём, подвывая, из подворотен и калиток на заснеженные улочки опростоумевшая от страха слободка. Въевшись глазами в чёрный, как сажа, восток, заголосили бабы, растерянно рывкнули на них мужики. Велик был народный вопль.

Те берендеи, что проснулись раньше всех и хватились жён, заслышав общий крик, опомнились, закрутили головой. Остановился, как в лоб поленом озадаченный, боярин Блуд Чадович, не дойдя каких-нибудь двух переплёвов² до ветхой Докукиной избушки. Тоже, видать, сообразил, что племянница-то в терем вернётся, а вот солнышко...

Стужа стояла такая, что зубы смерзались. Вспомнилось даже присловье: «Лешие, чай, озябли, не ровён час, греться придут». Присловье, понятно, шутейное: в лесу дровец куда больше, чем в слободе, — и всё же Кудыке почудилось, и не однажды, в свете съёжившихся на холоде огней, что метнулась за сугроб косматая серая тень. Лешие-то, как известно, шастают в вывороченных наизнанку шубах. Обычай у них такой.

Ужаснувшиеся берендеи сбивались в толпы, кричали наперебой и всё порывались идти кого-то бить, только вот никак не могли решить кого.

— Пустили погорельцев? — надрывался некто, и сам не слишком отличавшийся от выходца из Чёрной Сумеречи — дыры сплошь да заплатки. — А они вон ворожат, воду в ложке замораживают, порчу наводят... Что? Не так? Мы-то солнышко Ярилом

¹ Эхо — лесная баснословная девка, повторяющая, что скажут; отголосок тож (греч.).

² Переплёв — мера длины (беренд.).

зовём! А они что Ярилом зовут? Сказать стыдно! Кляп мужской... Да как же ему, солнышку, то есть добросиянному, не обидеться?

— Берендеи! — не дослышав, о ком речь, бухнул кто-то, как в колокол. — Потопим всех греков в Вытекле!

— Я те потоплю! — зычно прикрикнул подоспевший с дружиною боярин Блуд Чадович. — С греков пошла в казну идёт!

— А им, толстопузым, мощна дороже солнышка! — прозвонел в ответ молодой дерзкий голос.

Запахло смутой. Храбры нахмурились, сдвинулись поплотнее вокруг боярина, подёргали на всякий случай сабельки в ножнах — вдруг примёрзли? Трепетали огоньки в скляницах греческих ламп, трещали запрещённые смоляные светочи. До смуты, однако, не дошло.

— Да чего гадать? Волхвов спросить надобно! — сообразил вдруг Кудыка.

— Вер-рна! Тащи сюда волхвов! Мы их, понимаешь, кормим-поим, а у них вон и солнышко не встаёт!

— Ну ты с волхвами-то... побережней!

— А чего их теперь беречь? Солнышка-то так и так нетути! Проспали солнышко!

Заполюшно взвыла какая-то баба, а за ней и все прочие.

— Тихо! — орал, продираясь сквозь толпу на дырявых локтях, Шумок, прозванный так давно и неспроста. — Ти-ха! Виноватых ищите? Сами виноватые! Солнышку от вас жертвы надо, а вы что ему жертвуете? Чурки резные?

Толпа ухнула нутром, заворчала угрожающе:

— Ну ты полегче насчёт чурок-то! За чурки, знаешь...

— Берендеи! Да что ж это? Идолцев резных чурками зовёт!

— На чертоплешину¹ давно не нарывался?

— Да погоди, может, что дельное скажет!

Шумок полез на плотный сугроб, то и дело проваливаясь, ища места повыше и покрепче.

— Куколок-берендеек режете? — зловеще спросил он, утвердись. — А что они означают, куколки-то? Берендейки-то!

— Берендеек и означают, — сердито ответили из толпы.

— Вот! — закричал Шумок, заслоняя звёзды воздетыми над головой мохнатыми рукавицами. — Вот она, жадность-то люд-

¹ Чертоплешина — удар плашмя по голове (беренд.).

ская! В прежние времена для солнышка берендейку выбирали, и не абы какую, а самую что ни на есть молодую, пригожую!

— Да это когда было?

— Да когда бы ни было! А теперь? Что ж оно, солнышко-то, слепое? Идола деревянного от живого человека не отличит? И ладно бы хоть в рост в берендейский резали, как раньше, а то ведь совсем уже стыд потеряли — режут куколок с локоток!

В запальчивости Шумок отрубил на правой руке размер куколки, и толпа взревела от обиды. Очень уж оскорбительным вышло у него это движение.

— Да отшелушить его на обе корки!

— Вот из-за таких-то и солнышко вставать не хочет!

— Боярин, чего смотришь? За виски да в тиски!

Блуд Чадович стоял в раздумье, уперев бороду в грудь, отчего и вовсе стал похож на зубра. Ежели, конечно, сбоку смотреть.

— Ты... — начал он, бросив на Шумка из-под тяжёлой боярской брови недобрый взгляд, и толпа стихла. — Ты давай не петлай. Прямо говори: куда клонишь-то?

Шумок приосанился, огляделся. Шеёнка — тонкая, сам сморчок сморчком, весь вывихнутый, изломанный. А горло не иначе лужёное...

— Человеческой жертвы хочет солнышко! — объявил он ликующе.

Толпа оторопело моргала заиндевелыми ресницами. Ойкнул девичий голос.

— Вот тебя и принесём сейчас, — кровожадно пообещала Шумку богатырского сложения баба, и все неуверенно взгоготнули.

Потом вдруг задумались, переглянулись и, приподняв смоляные светочи, пристально всмотрелись в Шумка.

— Эй! Вы что это? — Он попятился и тут же провалился в сугроб по пояс. — Нашли берендейку! Кто ж мужиков-то в жертву приносит?

Нет, в жертву, конечно, Шумка приносить бы не стали, а вот потоптать, как водится, потоптали бы. Спасло чудо. На мохнатые снежные крыши с замороженным над трубами дымом лёг внезапно нежный розовый отсвет. Шумно выдохнув по клубу пара, повернулись к востоку. Там, над обозначившейся вдруг зубчатой синеватой цепью Кудыкиных гор, уже разгоралось алое зарево,

а через несколько мгновений явилось, взмыло в небо долгожданное солнышко.

Все так и ахнули. А приглядевшись — охнули. По алому шару бродило, то появляясь, то исчезая, тёмное пятнышко. Хотите верьте, хотите нет, а только солнышко восходило чётное. Второй день подряд.

ГЛАВА 2

Утро ясное

За ночь выстыли не только горенки. Неслыханный мороз сковал округу. Разве что на границе с Чёрной Сумеречью случалась накануне весны такая стужа. Зеркальная Вытекла опушилась туманом, лес на том берегу стоял белый, косматый. Уносящееся ввысь солнышко плясало от холода, а плавающее по нему тёмное пятно было отчётливым, как никогда.

Жуткая выпала ночка, да и утречко не лучше. Отродясь такого не бывало, чтобы два дня подряд оказались чётными. На торг, понятно, никто не поехал: какие уж тут торги! Двинулись было всей слободкой бить погорельцев, но те ещё ночью смекнули, что будут бить, и куда-то попрятались. С горя развалили им землянки да и вернулись ни с чем.

Толки шли такие, что оторопь брала и сердце зябло. Шептали, к примеру, о близком конце света, предрекали всеобщую смуту. Вспомнили, конечно, и про лежащий неподалёку в развалинах мёртвый город, за грехи обитателей дотла спалённый солнышком в незапамятные ещё времена и ныне населённый одними только беженцами из Чёрной Сумеречи.

Боярин Блуд Чадович послал за волхвами. Явился один — весь в оберегах, с медным гладким ликом на посохе. Зато у самого хая — хоть топоры на ней точи. Въедливый Шумок пристал к волхву, как пьяный к тыну: скажи да скажи, чем провинились перед солнышком. Кудесник отвечал уклончиво: разгневали, дескать, всем по мелочи — идольцев вон резных жертвуете неохотно, золу с Теплынь-озера редко вывозите...

Всколыхнулся слободской люд, загомонил:

— Да нам её и не положено вывозить, золу-то! Она нам вообще без надобности. Это вон сволочане землю золой удобряют, с них, стало быть, и спрос!

— Идолъцев мы не жертвуем? А кто ж тогда жертвует, если не мы?

— Ты, кудесниче, плети-плети, да оглядывайся! Это что ж выходит: на волка поклёп, а зайцы кобылу съели?

Волхв понял, что оплошал, начал исправляться.

— Ну, жертвовать-то, допустим, жертвуете, — признал он с неохотой. — А стружки снимаете много. Возьмёшь берендейку в руку, а в ней и весу нет...

Возроптали древорезы. Насчёт стружки распря шла давняя. Дровами дом обогревать — разоришься, поэтому резать чурки старались поглубже и поискуснее. Оставшуюся в изобилии стружку отправляли под гнёт, а получившимися жемками древесными топили печи. А зимы-то ведь год от году становились всё студёнее и студёнее...

— Так оно что ж, по-твоему, солнышко-то? — жалобно закричал Кудыка. — На вес, что ли, жертву принимает? Оно, тресветлое, на красоту резьбы смотрит!

— По счёту приносим, куколка в куколку! — врубился в спор Плоскыня.

— Да вы-то приносите... А вот сволочане...

Ну, услышав про сволочан, народ и вовсе кадыки распустил. Не любили теплынды сволочан. Да и те их тоже... Так уж издавна повелось, что одни промышляли хлебопашеством, а другие ремёслами и торговлей. Много обид накопилось, много.

— Все леса свои выжгли, под пашню извели! — бушевали древорезы. — Конечно, им теперь и берендейку вырезать не из чего!

— Только и забот, что землю сохой ковырять!

— И цены на хлеб нарочно поднимают. Ну где это видано: пять берендеек за мерку?

Найдя виновных, приободрились, даже приосанились. Шумок, правда, не удержался, вылез опять насчёт конца света и человеческой жертвы, за что огрёб с ночи ещё заработанную чертоплетшину, да и суходушину¹ в довесок. Не будь рядом волхва, точно бы потоптали.

Кудесник осерчал, стукнул в мёрзлую землю посохом и, прекратив начавшееся уже избиение, разобъяснил, что жертвы человеческие солнышку не угодны, а вот по лишней резной берен-

¹ *Суходушина* — удар кулаком меж плеч, отчего спирается дыхание (*беренд.*).

дейке в следующий раз накинуть — оно бы и неплохо. Хотел идти, но был остановлен Кудыкой.

— Кудесниче! А завтра-то какое солнышко взойдёт? Чётное али нечётное?

Заморгал волхв, призадумался. И такая вокруг тишина запахла, что каждый поскрипышек снега в ушах отдаваться стал. Вопрос задан был нешутейный: а ну как солнышко всякий раз с пятном вставать будет? Этак век удачи не видать...

За лениво пересверкивающими сугробами парило зеркало никогда не замерзающей Вытеклы. Кудесник покашлял, насупился.

— Солнышко, оно... — без особой уверенности начал он, — к детям своим, ясное дело, милосердо... Однако и мы ему тоже не указ... Так-то вот...

Словом, рассудил — как размазал.

* * *

Со щепой за сердцем вернулся Кудыка домой. Синели снежные тени. Сияло над головой, слабо пригревая, раскалившееся добела недоброе меченое солнышко. Тёмное пятно на нём давно сгнуло, растворилось. К вечеру покажется снова, только будет оно тогда (пятнышко то есть) посветлее, понеприметнее.

Кудыка окинул тревожным оком своё умышленно неказистое жилище. Вчерне сделано, вбеле не отделано, а вкрасне и отделявать не будем... А то царю — плати, князю — плати, боярину Блуду Чадовичу, катись он под гору, опять плати... Берегиням, лешим... Да ещё вон волхвы что-то новое затевают. Лишнюю берендейку им, понимаешь, добавь! Проще уж убогим прикинуться...

В раздумье поднялся Кудыка в горенку, поколебавшись, снова собрал резной снарядец, однако заводить не стал — отставил в угол. Выбрал вчера ещё размеченную и надрезанную чурку, подсел к низкому верстачку у самого окна, но работа не сладилась. Резцы падали из рук, думы одолевали...

Нутром чуял Кудыка: новые времена наступают. А от новых времён хорошего не жди. Что новизна — то кривизна...

Старого деда Пихто Твердытича дома не было — не иначе на торг поковылял, с такими же, как он, дедами язык чесать. Подумал Кудыка, подумал и решил заглянуть в кружало¹. Можно, конечно, было просто сходить в погреб, прихватить там су-

¹ Кружало — питейный дом (беренд.).

ЕВГЕНИЙ ЮРЬЕВИЧ ЛУКИН

КАТАЛИ МЫ ВАШЕ СОЛНЦЕ

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная вёрстка Ирины Варламовой
Корректоры Ирина Киселёва, Анна Быстрова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 05.05.2025.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 60,76. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші: «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ —
АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru
Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-FFB-38270-01-R